

Принцесса Чанпин не придавала этому значения. С напряженным лицом она сказала:

— До свадьбы осталось три дня. Что плохого в том, что Цзыцин встречается с друзьями?

— Но император...

— Просто впустите его, а потом отправьте кого-нибудь за Цзыцином с приказом вернуться к ужину.

— Эх...

Они шептались, пока не увидели, как улыбающийся Ин Цань вошел через главные ворота.

После того как все поклонились, Ин Цань уже успел осмотреть всех присутствующих. Сохраняя спокойствие, он сначала обратился к принцессе Чанпин, спросив о ее здоровье, а затем повернулся к Бай Шу:

— Почему я не вижу Бай Цзыцина?

— Вы видели Цзыцина?

Ин Цань, сложив руки за спиной, перевел взгляд на Бай Нянь, стоявшую рядом.

На ночном рынке в тот вечер он видел бойкую девочку, которую вел тот человек.

Улыбнувшись, он объяснил Бай Шу:

— Видел, но только сегодня вспомнил об этом.

А в это время Бай Цзыцин, сидевший в Башне Сыхэ и обсуждавший дела с Цуй Даожун, вдруг почувствовал озноб.

Цуй Даожун, заметив, что он вдруг замолчал, спросил:

— Что случилось?

Бай Цзыцин нахмурился, глядя в полуоткрытое окно, но не ответил.

Кажется, зима в этом году наступила раньше обычного.

Бай Цзыцин получил сообщение от принцессы Чанпин, когда на улице еще было светло, и до ужина оставалось много времени.

Сообщение было передано устно, и Цуй Даожун его не слышал, но выражение лица Бай Цзыцина изменилось.

— Цзыцин, тебе лучше поскорее вернуться, — сказал Цуй Даожун. — Я хотел познакомить тебя с одним человеком вечером, но раз у тебя дела, перенесем на другой день.

Бай Цзыцин кивнул. Его мысли были заняты тем, почему Ин Цань пришел в дом Бай в такое время. Они допили чай, и Цуй Даожун проводил серьезного Бай Цзыцина до кареты, гадая, кто же этот гость, что вызвал у него такое недовольство.

Хотя Бай Цзыцин был морально готов к встрече, когда карета остановилась у ворот дома, он не

хотел выходить. По дороге он обдумал множество причин, по которым Ин Цань мог прийти в дом Бай, но ни одна из них не казалась убедительной.

Даже в этот раз он не мог понять Ин Цаня.

— Молодой господин, пора выходить... — Сувэнь позвал его из окна кареты, понизив голос. — Вы, надеюсь, не заснули там? Это же сам император...

Бай Цзыцин был в ярости. Он подумал: я твой господин, и угождать мне не легче, чем ему.

Но он все же поднялся, и Сувэнь помог этому капризному молодому господину спуститься, откинув занавеску кареты, а затем объявил о его прибытии.

Ин Цань уже успел обменяться любезностями с семьей Бай и сидел в зале, слушая рассказы принцессы Чанпин о детстве Бай Цзыцина, с мягким выражением лица.

Единственной, кто испытывал сильное внутреннее волнение, была Бай Нянь. Она сидела рядом со своей матерью, второй женой, держа спину прямо, но в голове у нее крутились тысячи вопросов: почему этот молодой человек выглядит так знакомо? Почему он на меня смотрит? Почему старшего брата нет в зале? Это тот, кто женится на старшем брате? Где он? Может, он снова убежал играть без меня?

— Третий молодой господин вернулся, — шепнул управляющий Линь на ухо Бай Шу.

— Хм, хорошо, — кивнул Бай Шу. Как раз принцесса Чанпин закончила свой рассказ, и он предложил Ин Цаню:

— Ваше Величество, не хотите ли, чтобы Цзыцин проводил вас по дому?

Ин Цань согласился, сказав, что как раз хочет посмотреть на дерево падуба из храма Цзиньхуа и узнать, в чем его особенность.

Эти слова услышал Бай Цзыцин, входя в зал. Он встретил насмешливый взгляд Ин Цаня, не отводя глаз, вежливо поклонился ему и родителям, а затем пригласил Ин Цаня прогуляться. Когда он повернулся, Бай Нянь дернулась, словно желая последовать за ними, но Бай Цзыцин незаметно указал ей оставаться на месте.

Сентябрь подходил к концу, и пейзаж в саду уже начал выглядеть уныло, только дерево падуба во дворе Бай Цзыцина по-прежнему стояло гордо и зелено. Бай Цзыцин шел рядом с Ин Цанем, заметив, что под кроной деревом было очень чисто, даже опавших желтых листьев не было.

Ин Цань отослал сопровождавших, оставив только их двоих.

— За пределами дворца не нужно формальностей, — сказал он, глядя в глаза Бай Цзыцину, и задал странный вопрос. — Это ты?

— Да, — Бай Цзыцин подумал, что речь идет о вечере на ночном рынке, и спокойно признался. Он протянул руку ладонью вверх. — Ваше Величество не собираетесь вернуть мне подвеску?

Ин Цань улыбнулся:

— Кажется, ты ко мне не очень хорошо относишься.

— Не смею, — ответил Бай Цзыцин, тоже улыбаясь. — Я просто думаю, что если нашел чужую

вещь, лучше вернуть ее владельцу.

— Только если ответишь на один вопрос, — Ин Цань достал из рукава подвеску с падубом и начал вертеть ее на пальце. — Как ты узнал, что это я?

— Во всей столице кто может сравниться с Фан Цзином по красоте? С таким спутником, кто еще мог быть, если не Ваше Величество?

Ин Цань слегка наклонил голову, словно размышляя.

— Цзыцин, неужели ты ревнуешь?

— ...

Эта сцена казалась знакомой. Бай Цзыцин почувствовал, как на лице проступает тень. Он помнил, как в прошлой жизни, когда он спрашивал Ин Цаня о слухах, касающихся дома Бай, тот отвечал точно так же.

Ин Цань был подобен льву: если подчиниться ему, то попадешь в ловушку, но если сопротивляться, есть шанс вырваться из-под его когтей.

Бай Цзыцин глубоко вздохнул и сказал:

— Невозможно.

— Что невозможно? — Ин Цань был тем, кто предпочитал действия словам, и сказав это, он вдруг сделал шаг вперед и схватил Бай Цзыцина за запястье.

Бай Цзыцин, хотя и не обладал силой Ин Цаня, все же был мужчиной. Он резко развернулся, используя плечо и локоть, чтобы прижать Ин Цаня к стволу дерева падуба. Ин Цань не стал отвечать, позволив Бай Цзыцину прижать его к дереву.

Теперь их поза стала несколько двусмысленной.

— Я не Фан Цзин и не какая-то красавица, — Бай Цзыцин, будучи ниже Ин Цаня, получил небольшое преимущество благодаря этому положению. Он подумал и добавил:

— Я тебе не верю.

К счастью, во дворе никого не было, и никто не выскочил, чтобы закричать на Бай Цзыцина за дерзость. Даже Ин Цань не выглядел раздраженным. Он смотрел на Бай Цзыцина сверху вниз, и в его глазах плескалась улыбка, смешанная с чем-то еще.

Для Ин Цаня такое выражение было редкостью.

Он только поднял руку, как Бай Цзыцин тут же отпрянул, стараясь избежать прикосновения.

— Я привез тебе кое-что, не хочешь взглянуть?

Ин Цань, не дожидаясь ответа, пошел вперед.

У двери комнаты Бай Цзыцина стоял евнух Цинь с уже наполовину седыми волосами. Он поклонился им и откинул створки двери.

Во дворе по-прежнему никого не было, даже Сувэнь исчез бог знает куда.

Бай Цзыцин с подозрением проследовал за Ин Цанем и увидел на столе длинный зеленый лаковый ящик с узором из дракона. Ин Цань указал на него, показывая, что это и есть то, что он хотел подарить.

Бай Цзыцин медленно подошел и открыл защелку ящика.

Внутри лежал свиток, и на ощупь было ясно, что это бумага из коконов шелкопряда, гладкая и тонкая.

Развернув его, он увидел каллиграфию Ван Сичжи.

Бай Цзыцин вдруг почувствовал беспокойство. Он повернулся к Ин Цаню:

— Это свадебный подарок?

Ин Цань всё это время наблюдал за его выражением лица.

Увидев вещь, Бай Цзыцин не выразил ни удивления, ни радости. Его брови слегка нахмурились, и он выглядел озадаченным, словно наконец получил то, что давно хотел, но обнаружил, что товар не тот.

— Это не свадебный подарок. Я просто увидел его и подумал, что он тебе понравится, поэтому оставил его.

— Значит, Ваше Величество получили этот свиток давно?

— Его преподнес губернатор Ганьчжоу два года назад.

— ...Понятно, — Бай Цзыцин пристально смотрел на него и сказал только:

— Я понял.

Все эти ухищрения, все эти попытки добиться того, что недоступно, все эти нежные жесты — все это было обманом. И самое обидное было то, что он не смог разглядеть этого.

Он действительно позволил красоте ослепить себя.

Этот свиток, словно тяжелый крюк, тянул сердце Бай Цзыцина вниз, и до самого ужина он оставался в подавленном настроении.

Ин Цань, конечно, заметил это. Он усадил Бай Шу и принцессу Чанпин на почетные места, а сам сел рядом с Бай Цзыцином.

Почти все заметили, что Бай Цзыцин был рассеян, но Ин Цань не обращал на это внимания. За время ужина он не отрывал глаз от Бай Цзыцина и даже положил ему в тарелку еды на полчашки.

Бай Цзыцин наконец не выдержал и понизил голос:

— У меня есть руки, я могу сам наложить себе еду, не трудитесь.

Ин Цань ответил:

— Таков долг мужа.

<http://bllate.org/book/16479/1496737>